

6. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Введение. — Новосибирск: Изд.Новосиб. ун-та, 1997.— С. 3—10.
7. *Ліотар Ж.-Ф.* Постмодерністська ситуація //Після філософії: Кінець чи трансформація. — К., 2000. — 432 с.
8. *Габермас Ю.* Філософія як берегиня та інтерпретатор // Там само. — С. 260—278.
9. *Кримський С.Б.* Запити філософських смислів. — К., 2003. — 240 с.
10. *Мелик-Гайказян Н.В.* Информационные процессы и реальность. —М.: Наука, 1997.
11. *Всемирная энциклопедия.* Философия XX века. — М.: АСТ; Мн.:Харвест. Современный литератур, 2002. — 976 с.
12. *Чернавский Д.С.* Синергетика и информация. Динамическая теория информации. — М., 2004. — 288 с.
13. *Микешина Л.А.* Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. — М.: Прогресс-Традиция: МПСИ; Флинта, 2005. — 464 с.
14. *Стили в математике: социокультурная философия математики.* — СПб., 1999. — 552 с.
15. *Тарнас Р.* История западного мышления. — М., 1995. — 448 с.
16. *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. — 1281 с.

*А.Н. Глебова,
ст. науч. сотр., канд. ист. наук*

Информационное общество как альтернатива обществу производства и потребления материальных благ

На пороге нового тысячелетия общество переживает поворотный момент в своей истории, связанный с трансформацией всей привычной материальной культуры в культуру нового типа, базирующуюся прежде всего на информации и знаниях. Что принесёт человечеству этот переход, вызванный объективным ходом истории? Бурное развитие и широкое внедрение информационных (в том числе компьютерных) технологий, глобализация экономики, повышение производительности труда, реструктуризация системы власти и управления, расширение сферы услуг, совершенствование системы образования, рост сознательности населения, облегчение коммуникаций всех видов, усиление влияния средств массовой информации (включая сеть Интернет), урбанизация, ускорение «виртуального времени» и вместе с тем возрастание социальной аритмии — всё это далеко не полный перечень перемен, которые уже идут полным ходом или ожидают нас в самое ближайшее время.

Одновременно с формированием общества нового типа возникает потребность в научном осмыслении происходящих процессов: разные авторы квалифицируют их как «информационная (или информационно-технологическая) революция», «технотронная революция», «революция управляющих», «революция переоценки знания» (knowledge-value revolution) и т.п. Многие социологи сходятся в том, что современное общество вступает в третью большую фазу своего развития: это «постэкономическое», или «постиндустриальное», общество (Г.Кан, Д.Белл, В.Л. Иноземцев); «посткапиталистическое» или «постбуржуазное», общество (Р.Дарендорф, Г.Лихтхайм, П.Дракер); общество «постмодерна» (А.Этциони); информационное общество (М.Кастельс, Р.Ф.Абдеев), «общество, основанное на знаниях» (М.З.Згуровский и др.).

Все эти термины по сути относятся к разным граням одного и того же социокультурного феномена, детально описанного ещё в начале 70-х годов XX

века американским социологом Д. Беллом. Его книга-прогноз «Приход постиндустриального общества» [1] показала, что определяющим принципом построения общества в ближайшие десятилетия должна стать информация, теоретические знания о мире. Таким образом, постиндустриальное общество в своей сути оказывается обществом информационным, и именно это название нового этапа развития цивилизации становится преобладающим в конце XX — начале XXI века [2, с.93].

Термин «информационное общество» (ИО) появился в Японии: он был введен в научный оборот в 1963 г. Т. Умесао [2, с.714] и затем осмыслен в конце 60-х — начале 70-х годов его последователями, в частности Ю. Хаяши, который впервые достаточно чётко сформулировал идею и указал на характерные черты такого общества [3, с.92]. Разработка первой модели ИО поддерживалась японским правительством, уже тогда считавшим крайне важным для страны выяснение перспективы внедрения компьютерных технологий. В работе Морриса Сузуки [4] подробно описано, как создавалась и реализовывалась государственная стратегия Японии по превращению этой страны в процветающее во всех отношениях общество. По мнению Р.Ф. Абдеева [5, с.213], в последние два десятилетия XX века в Японии было реализовано «первое сознательно построенное информационное общество на нашей планете». Несмотря на прикладную направленность исследований японских учёных, они могли бы принести большую пользу в странах СНГ, открыв реальные пути решения всех назревших проблем (экономических, социальных и культурных). Но, к сожалению, в этой части света японский опыт не пользуется большой популярностью, и каждая из вновь образовавшихся стран прокладывает свой собственный путь к ИО, преимущественно «путём проб и ошибок».

Приблизительно в это же время (последние десятилетия XX в.) в Японии

возникли термины: «информатизация», «информационные технологии», «информационный суперхайвэй» и т.п., перенесенные на западную почву в 1978 г. Саймоном Нора и Аленом Минком [6, с.43]. К этому же времени относится возникновение понятия «информационализм» как «новой материальной и технологической базы экономического развития и социальной организации» [6, с.36]. Теоретик информационного общества Мануэль Кастельс считает, что этот новый путь или способ развития человечества сейчас быстро распространяется по всей планете и проявляется в различных формах в зависимости от особенностей национальных культур и общественных институтов. При всём многообразии этих форм главным источником и «критически важным элементом» общественного прогресса являются вновь приобретаемые знания и информация, используемые для получения новых знаний и улучшения обработки и обмена информацией.

М. Кастельс формулирует эту «новую технологическую парадигму» следующим образом: «специфическим для информационного способа развития является воздействие знания на само знание как главный источник производительности. Обработка информации сосредоточена на технологии улучшения обработки информации как источника производительности» [6, с.39]. Таким образом, информационализм подчёркивает прочно установившуюся обратную связь между «знаниями как источником технологии и применением технологии для улучшения генерирования знаний и обработки информации» [там же]. Если термин «информационное общество» (information society) лишь указывает на преобладающую роль информационных связей в обществе, то понятие «информационное общество» (informational society) уже означает новую, специфическую форму социальной организации, в которой генерирование, обработка и передача информации становятся фун-

даментальными источниками производительности труда, а значит, богатства и власти.

В своём фундаментальном исследовании «Информационная эпоха» [6] М.Кастельс отмечает вездесущность такого объекта анализа, как информационализм. По его мнению, все крупные общества современного мира уже являются информациональными; особенно это относится к таким странам, как Япония или США, где «ключевые процессы генерирования знаний, экономики, политической/военной мощи и средств коммуникации уже глубоко трансформированы информационной парадигмой» [6, с.42]. В информациональном способе развития общества существует особо тесная связь между культурой и производительными силами, между развитием сознания и технологий и вообще между духом и материей; «отсюда следует, что мы должны ожидать исторически новых форм социального взаимодействия, социального контроля и социальных изменений» [6, с.40].

Аналогичные тенденции в развитии современного общества отмечают Элвин и Хейди Тоффлеры — теоретики «новой цивилизации» [7]. По их определению, утверждение нового общества (информационного по своей сути и постиндустриального по историческому статусу) является «третьей волной» кардинальных системных сдвигов, которые переживало человечество на протяжении своей истории (первые две «волны» — это аграрная и индустриальная революции). На данном этапе развития социума происходят глубокие изменения во всех сферах жизнедеятельности человека — от экономики и науки до семейных отношений и религии. В своём системном единстве эти изменения должны привести к появлению принципиально нового типа цивилизации, основанной на производстве и потреблении не столько материальных благ (как было доселе), а главным образом информации во всех её видах. Это и

есть новая реальность, ожидающая человечество уже в недалёком будущем.

По мнению многих авторов, сущность всех трансформаций современного общества связана с появлением новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). По сути эти технологии явились таким же катализатором общественных процессов, как и новые источники энергии, открытые в XVIII—XIX веках и послужившие стимулом перехода к индустриальному обществу, основанному на производстве и распределении энергии. Вместе с тем информационная революция имеет ряд особенностей, выгодно отличающих её от предшествующей индустриальной революции. Технологические революции имели место лишь в немногих обществах (прежде всего в странах Западной Европы). Оттуда передовые технологии распространялись сравнительно медленно (в течение двух столетий) на другие регионы планеты (далеко не все); при этом контакт между цивилизациями, стоящими на разных уровнях развития техники, нередко принимал разрушительную форму, а планетарный охват индустриальной революции, как правило, выливался в колониальное господство развитых стран. В противоположность этому новые информационные технологии распространились по всему земному шару с молниеносной скоростью — менее чем за два десятилетия (с середины 1970-х годов). Уже к середине 1990-х годов все основные страны и социальные группы были вовлечены в новую информационно-технологическую систему, которая сразу же принесла многочисленные улучшения в организации труда, в социальных отношениях и в повседневной жизни людей.

Не будет преувеличением сказать, что информационная революция открыла новую эпоху в прогрессе человечества. Опираясь на фундаментальные исследования [1, 5—8], попытаемся охарактеризовать перемены, которые несёт с

собой эта революция, и вместе с тем выделить основные признаки информационной эпохи.

Наиболее характерный признак — это качественное изменение производительных сил, происходящее наряду с их невиданным ранее прогрессом. Традиционное массовое производство материальных благ, оставаясь основой народного хозяйства, перестаёт быть его центральным элементом. Главным производственным ресурсом становится информация, а сила интеллекта становится главной движущей силой прогресса. «Знания и информация суть главные материалы нового производственного процесса, образование есть ключевое качество труда», а инновация, основанная на мыслительной деятельности, представляет собой основной источник повышения качества и производительности, — пишет М.Кастельс. Он же предлагает следующий краткий девиз информационной эпохи: «Я думаю, следовательно, я произвожу» [6, с.500,513].

Впервые в истории человечества мысль становится непосредственной производительной силой, а не просто элементом производственной системы. Все ИКТ в сущности служат усилению и расширению сферы воздействия человеческой мысли на материю. Благодаря им «то, что мы думаем и как думаем, находит выражение в товарах, услугах, материальной и интеллектуальной продукции, будь то пища, кров,.. компьютеры, ракеты, образование, здравоохранение или образы. Растущая интеграция между мыслями и машинами ликвидирует то, что Брюс Мазлиш назвал «четвёртым разрывом» (между человеческими существами и машинами), фундаментально меняя то, как мы рождаемся, живём, учимся работаем, производим, потребляем, грезим, сражаемся или умираем» [6, с.52].

Расширение сферы использования машин и механизмов, заменяющих труд людей не только в материальной, но час-

точно и в интеллектуальной сфере, ведёт к интенсивному внедрению «безлюдных» технологий. В результате сокращается число работников «у станка», занятых в промышленном производстве и в сельском хозяйстве. Однако при надлежащем контроле за этим процессом он должен приводить не к упадку производства, а к росту его эффективности за счёт применения достижений науки и передовых технологий, компьютеризации, роботизации и повышения квалификации работающих.

Интенсификация информационного обеспечения производства снижает потребности в традиционных видах сырья, что способствует природосбережению и решению экологических проблем. Если ещё в первой половине XX в. развитие экономики базировалось исключительно на использовании естественных ресурсов — энергетических, сырьевых, территориальных и др., то сейчас основным ресурсом становится информация (знание). Этот ресурс практически неисчерпаем, так как возможности пополнения знаний ничем не ограничены. Постоянно восполняемые информационные ресурсы человечества позволяют создавать необходимые материалы буквально «из ничего». Благодаря этому интенсивно развиваются наукоёмкие производства с минимальными затратами сырья и энергии, что позволяет даже малым государствам, не имеющим собственных природных ресурсов, добиваться впечатляющих успехов в экономике. Примеров этому достаточно много уже сейчас: Голландия, Дания, Тайвань, Сингапур. Феномен «сингапурского чуда» привлекает внимание социологов как предвестник цивилизации будущего, где жизнью правят интеллект, знания и высокоорганизованный труд; где нет безработицы и национальных проблем (несмотря на смешение многих наций и рас).

Можно ожидать, что в стратегической перспективе определённая группа стран усилит свою роль в мировых процессах за счёт освоения приоритетного произ-

водства и использования новейших знаний, повысив тем самым качество жизни своих граждан. Остальные же страны, не овладевшие этими знаниями и технологиями, могут попасть в зависимость от первой группы стран и будут рассчитывать с ней за блага цивилизации природными ресурсами, дешёвой рабочей силой, экологической безопасностью и т.п. [9]. Единственная реальная возможность избежать такой участи — ускорить переход к ИО, даже если экономика позволяет пока придерживаться прежней ориентации на преимущественное производство и потребление материальных благ.

Уже сейчас разрыв между развитыми странами и остальным миром увеличивается быстрыми темпами. Так, по данным Всемирного банка, в 1973 г. разрыв в доходах между самыми богатыми и самыми бедными странами определялся соотношением 44:1, а в начале XXI в. этот показатель возрос до 72:1. Одновременно увеличивается неравенство разных слоёв населения внутри стран — разрыв между богатыми и бедными, здоровыми и инвалидами, молодыми и людьми преклонного возраста и т.д. Все эти явления принимают форму как экономического неравенства, так и неравенства знаний, причём преодоление обоих видов неравенства вполне возможно в ходе развития самого ИО и, более того, является естественной тенденцией этого развития (тогда как возрастание неравенства скорее показатель неправильного, негармоничного хода этого процесса).

Интересную особенность становления общества, основанного на информации и знаниях, отмечает М.З.Згуровский [9]. На первой стадии данного процесса человечество овладело средствами преобразования информации в цифровую форму, создало гигантские хранилища информации, освоило передачу её на расстояния с помощью ИКТ, что привело к принципиально новому способу взаимодействия между людьми.

Информация начала играть роль товара, который можно купить и продать, но вместе с тем она ещё не стала достаточным знанием для гармоничного развития общества, оставаясь лишь «сырьём», которое подлежит обработке перед использованием его в созидательных целях. Общество такого типа получило название «информационного», главным его измерением стало технологическое. Оно характеризуется массовой выработкой информации и знаний типа «как действовать», но не гарантирует качество жизни и безопасность своих членов.

На рубеже столетий началось формирование общества нового типа, в котором информация стала приобретать качественно новую форму — гармонизированных знаний. Помимо знаний «как действовать», важное значение приобрели знания типа «как сосуществовать», которые стали гармонизировать внутренние и внешние противоречия общества. Именно такие знания позволяют перейти к массовому производству новых знаний с использованием ИКТ и именно такая форма общества получила название «общества, основанного на знаниях», или «К-общества» (knowledge society).

Согласно концепции М.З.Згуровского, К-общество характеризуется новыми измерениями по сравнению с ИО: кроме технологического, появились социальное, политическое и этническое измерения. Неотъемлемой компонентой К-общества являются новые междисциплинарные знания, играющие ключевую роль в гармонизации всех сторон общественной жизни. Характерная черта К-общества — ориентация на качество: качество самих знаний, качество освоения этих знаний людьми и качество жизни всех членов общества. В настоящее время формируется «чёткий политический вектор К-общества, направленный на достижение высокого уровня качества и безопасности жизни людей как в национальном, так и в глобальном масштабах» [9].

Можно проследить определённое сходство между «информациональным обществом» М.Кастельса и «обществом, основанным на знаниях» М.З. Згуровского и других авторов [10]. В сущности и то, и другое — более развитая форма ИО, следующая его фаза, на которой информация и знания становятся не только преобладающим элементом во всех сферах общественной жизни, но также элементом, определяющим их дальнейшее развитие. Если в ИО происходит главным образом количественное накопление знаний, то в К-обществе они преобразуются в основной ресурс жизнедеятельности человечества, по своему значению оставляющий далеко позади все остальные ресурсы. Для этой более высокой фазы развития ИО характерны устойчивый рост знаний и непрерывная обратная связь между знаниями и их практическими приложениями: каждый реальный факт внедрения знаний содержит в себе возможность получения новых знаний, которые ещё больше расширяют сферу познанного, ускоряют и гармонизируют ход развития общества. Не случайно развитие общества всё время ускоряется, и впереди в этом процессе те страны, которые продвинулись дальше других в построении ИО.

Важной составной частью становления К-общества (а по мнению некоторых авторов также ИО [4]) является глобализация экономической деятельности, достигаемая за счёт слияния механизмов управления экономикой отдельных стран и повышения их эффективности. Неограниченные возможности здесь открываются благодаря всеобщей компьютеризации, развитию дистанционных коммуникаций и так называемых «безбумажных» технологий управления. Информационные технологии, основанные на электронике, дают намного больше возможностей перестройки текста (по сравнению с книжным текстом) и значительно большую гибкость обратных связей между звень-

ями системы управления (по сравнению с прежним взаимодействием посредством «бумажных» указов). Они обладают несравненно большим объёмом памяти и скоростью передачи информации, чем прежние почтовое сообщение или библиотечный способ хранения данных. Все эти преимущества в сочетании с коммуникацией on-line позволяют осуществлять повсеместное асинхронное пространственно-временное программирование и согласование интеллектуальных действий, в том числе действий по управлению экономикой.

В результате намного облегчается объединение (а в перспективе — и полное слияние) всех видов деятельности, составляющих «ядро» экономики, включая не только материальное производство, но и рыночные механизмы, банковское дело, научные исследования, систему образования и др. Как следствие, невиданно возрастает динамизм экономики; возникает новый, достаточно гибкий, тип организации и управления, нацеленный на одновременные интеграцию и координацию; идёт формирование единой экономической сети производства, распределения и потребления. Все элементы этой системы, обмениваясь всё возрастающими потоками данных, информации и знаний, создают новый, более прямой и быстрый путь экономического прогресса.

Наиболее явный признак вступления общества в информационную эпоху — сокращение сферы материального производства и одновременно расширение сферы информационной деятельности людей. Например, за период 1980—1994 гг. занятость в обрабатывающей промышленности США сократилась на 11%, в добывающей — на 41%; в то же время в сфере услуг она выросла на 78%. Со временем информационная деятельность будет становиться всё более престижной и значимой в социальном плане и в перспективе около 90% населения будут заниматься теми или иными

действиями с информацией. Это приведёт к существенному увеличению ВВП по сравнению с материальным производством индустриального общества [11]. Уже сейчас 60% ВВП развитых стран создаётся в информационном секторе экономики и в сфере услуг, и этот процент постоянно растёт вместе с уменьшением занятости в материальном секторе производства.

Уровень жизни людей в ИО (а также уровень их самосознания) неуклонно растет за счёт отмеченных перемен в сфере производства и управления, а также за счёт развития систем образования и здравоохранения, за счёт создания новых структур гражданского общества, институтов социальной защиты, защиты интеллектуальной собственности и т.п. Эффективный труд с привлечением ИКТ увеличивает массу свободного времени граждан, которое используется ими для повышения культуры и самообразования, полноценного отдыха и восстановления здоровья. Избыток информации и свобода доступа к ней создают практически равные возможности для всех членов общества свободно развиваться и совершенствовать свои способности в избранном направлении.

Информационное общество бросает серьёзный вызов рыночному хозяйству прежней индустриальной эпохи. Устраняется разрыв между производителем и потребителем, порождающий рыночные отношения, и по мере его сужения «функции, роль и власть рынка оказываются поставленными под вопрос» [12]. Прежнее взаимодействие индивидов как товаропроизводителей и товаровладельцев замещается «игрой между индивидами», основанной на обмене информацией.

Всё чаще возникает стремление связать стоимость продукта с масштабами информации, используемой для его изготовления. При этом стоимость, добавленная благодаря «информационной ёмкости» продукта (value added net-

works), может во много раз превышать стоимость, исчисляемую материальными затратами на его производство. Как следствие, рыночная цена компаний, действующих в информационном секторе экономики, начинает несоизмеримо превышать стоимость их основных фондов (так, для «Microsoft» подобное превышение составило 8 раз в 1990 году и продолжает расти). В тех случаях, когда продукт труда неотделим от создающего его субъекта, возникает проблема невозможности определения стоимости произведенных благ, так появляются «неисчислимы стоимости» (nonquantifiable values).

Всё это подрывает основы сложившихся товарно-рыночных отношений и ведёт к коренному изменению всей системы отношений собственности на средства производства. Изменения в характере человеческой деятельности в информационную эпоху выражаются в радикальном снижении значения частной собственности как фундамента производственных отношений. Независимо от её размеров частная собственность превращается в «юридическую фикцию», не будучи дополненной информационными факторами, позволяющими эффективно использовать материальные условия производства. Вместе с тем расширяется сфера личной собственности, воплощённой в принадлежащих человеку предметах личного потребления, которые могут использоваться как в производительных, так и в непроизводительных целях. Активно развёртывающийся процесс перехода от частной собственности к собственности личной не требует того насильственного перераспределения собственности, которое имело место при более ранних попытках построения бесклассового общества (например в начале XX века). Этот процесс выражается прежде всего в растущем числе людей, действующих вполне самостоятельно в общественной и производственной сфере на основе личной инициативы и личных ресурсов.

Возрастание роли интеллекта в информационную эпоху приводит ко всё большей автономизации отдельных работников и к деструкции системы «фабричного» производства, к снижению роли крупных корпораций и к активному развитию мелкого бизнеса, основанного на использовании информационных технологий. «Small is beautiful» (чем меньше, тем лучше) — под таким лозунгом во всём мире идёт раздробление крупных и быстрый рост малых предприятий, которые благодаря самостоятельности и инициативе своих работников становятся подчас серьёзными конкурентами больших фирм. К концу прошлого века американский экспорт на 50% состоял из продукции компаний, в которых занято 19 и менее работников, и лишь на 7% — из продукции тех, которые применяют труд более 500 человек.

Существенно изменяется классовый состав населения: уже сейчас около 40% рабочей силы, используемой в народном хозяйстве развитых стран, принадлежит к категории «интеллектуальных работников» (knowledge-worker), которые «не являются ни фермерами, ни рабочими, ни бизнесменами,... они не могут быть эксплуатируемы как класс... Меняя свою работу, они не меняют свои экономические и социальные позиции» [13]. М.Кастельс называет эту прослойку общества «новыми производителями» — создателями знания и обработчиками информации [6, с.500]. В значительной степени они являются независимыми производителями, хотя и подчинёнными силам рынка, но реализующими свои собственные интеллектуальные стратегии. Одновременно с увеличением численности «новых производителей» наблюдается постепенное разрушение прежней классовой структуры индустриального общества, стирание различий между общественными группами и сглаживание противоречий. Социальные конфликты в ИО по-прежнему могут иметь место, но они уже являются выражением не борьбы классов, а требований заинтересован-

ных групп, владеющих определённой информацией (восстановления справедливости, порядка, законности и т.п.).

Ареной столкновения прежних (материалистических) и новых (информационных) ценностей становится главным образом сфера политики, идеологии и управления. В обществе, основанном на знаниях и информации, государство вовсе не «отмирает», а напротив, ещё более совершенствует свою структуру. Опыт развитых стран, уже вступивших в информационную эпоху, свидетельствует о том, что правовое демократическое государство в современных условиях должно строиться по принципу «пяти колец», то есть оно должно быть основано на взаимодействии пяти независимых властей: законодательной, исполнительной, судебной, власти информации и власти интеллекта (причём две последние власти должны пронизывать все остальные) [5, с.96]. Власть информации означает свободу печати, гласность, обилие общедоступных банков данных; власть интеллекта реализуется отбором в руководящие звенья наиболее подготовленных, информированных, компетентных специалистов во всех сферах деятельности.

Существенные трансформации претерпевает само понятие «власть»: она не исчезает, но переносится из материальной сферы в область культуры и информации. В этом смысле «власть, когда она реальна, становится нематериальной» [6, с.502]. «Битвы за власть» ведутся уже не на полях сражений, а в умах людей и в средствах массовой информации; но не сами СМИ являются держателями власти. «Власть — как возможность предписывать поведение — содержится в сетях информационного обмена и манипуляции символами» [там же]. Доступ к этим сетям и квалификация в обращении с ними как раз и определяют новую социальную иерархию информационного общества.

Хотя информационная политика проводится главным образом в простра-

нстве средств коммуникаций и «воюет символами», она при этом связана со вполне реальными жизненными ценностями и проблемами людей, живущих в информационную эпоху. Отличие от прежней политической деятельности состоит в том, что эти реальные проблемы решаются прежде всего на уровне информации и лишь затем в случае необходимости предпринимаются практические действия. Поэтому любую задачу созидательного плана сейчас можно решить гораздо быстрее и эффективнее, чем раньше. Часто достаточно одного лишь знания о том, как подойти к решению той или иной проблемы; поэтому люди, таким знанием обладающие, становятся наиболее реальными претендентами на государственные должности всех уровней ответственности.

Распределение политических ролей в государственных структурах ИО становится подвижным и подверженным постоянной ротации. В действительности не имеет значения, **кто** находится у власти; важно то, **как** они используют свою временно привилегированную позицию в плане доступа и владения информацией для передачи необходимых знаний широким массам (а значит, для улучшения качества их жизни). Как только появляется новый политический лидер, способный более точно и полно донести до людей нужную им информацию, он тотчас же занимает место предыдущего, часто даже не дожидаясь процедуры выборов. Этому способствуют информационные процессы, которые как бы «выталкивают» на поверхность потенциального лидера — человека, владеющего жизненно важной для всех информацией (ибо информированность и уровень образования населения таковы, что полезные знания сейчас уже практически невозможно скрыть).

Характерная тенденция ИО — размывание границ суверенности государств и образование крупных межгосударственных объединений (наподобие ЕС,

СНГ), членство в которых расширяет права граждан и создаёт дополнительные возможности для реализации их личных интересов. Глобализация экономики и расширение информационных сетей рождает новую форму государства — сетевое государство [6, с.501], где каждый житель независимо от своей национальной принадлежности имеет потенциальную возможность приобщиться ко всем мировым ресурсам — интеллектуальным, культурным и материальным. Реализация популярных ныне концепций «коэволюции» (то есть гармоничного, согласованного развития всех проявлений жизни на Земле [14, с.68]) и устойчивого развития всей цивилизации в целом (как стратегия её выживания при условии сохранения природной среды [11, с.21]) возможна лишь на путях развития и упрочения сетевых связей как между государствами, так и внутри них.

Сетевые взаимодействия становятся преобладающими и в личных отношениях между людьми: группы людей по интересам, по роду деятельности, по религиозным или политическим убеждениям становятся основной формой психологической и материальной поддержки личности, заменяя собой традиционные социальные структуры типа семьи. Такая новая, более гибкая схема социального взаимодействия фундаментально изменяет способы социализации личности: гибкая личность, вовлечённая в процесс самореконструкции, приходит на смену жёсткой адаптации к принятым когда-то социальным ролям, не являющимся более жизнеспособными и потому утратившим смысл. Сегодня люди больше сами производят формы своей реализации в социуме, нежели следуют установленным моделям поведения, вследствие чего значительно повышается роль личности в социальном и историческом процессе.

Изменения в отношениях производства, государственной власти и личного опыта ведут к трансформации самих материальных основ социальной жизни

— пространства и времени. Возникают «виртуальное пространство» и «вневременное время» как социальная тенденция к аннигиляции реального пространства и времени с помощью информационных технологий. Вот как описывает эту тенденцию М.Кастельс: «...электронные коммуникации соединяют отдалённые местности потоками взаимобмена... Технология сжимает время до нескольких случайных мгновений, лишая общество временных последовательностей и деисторизируя историю... Все выражения из всех времён и всех пространств смешиваются в одном и том же гипертексте, постоянно реорганизуемом и доступном в любое время и откуда угодно... Эта виртуальность и есть наша реальность... именно в этом поле вневременных, лишённых места символических систем мы конструируем категории и образы, формирующие поведение и запускающие политический процесс...» [6, с.504—505].

Именно эту новую социальную структуру, которая формируется на наших глазах в глобальных информационных потоках, пересекающих и трансформирующих пространство и время, М.Кастельс называет «сетевым обществом». Данный термин (так же, как «информационное общество» или «К-общество») обозначает одну из фаз или особенностей дальнейшего развития исходного «информационного общества». В данном случае речь идёт об абстрагировании от прежних конкретных, точно определённых величин (физических и социальных) в сторону их усреднения и обобществления. Сетевое общество «развоплощает» (disembodies), то есть делает нереальными, эфемерными чётко очерченные ранее социальные отношения и ценности, преобразует традиции, установившиеся понятия и само восприятие реальности, вводя культуру «реальной виртуальности».

Все указанные кардинальные сдвиги, происходящие на поверхности общественной жизни в информационную

эпоху, отражают глубинные изменения в мотивациях, целях и приоритетах каждого отдельного индивида — члена ИО. По мнению В.Л.Иноземцева [2, с. 716], в основе происходящего сейчас исторического изменения общественно-экономической формации лежит переход от экономической мотивации деятельности людей к неэкономической. Деятельность современного человека уже не может быть однозначно описана в терминах производственных отношений, а его потребности не исчисляются лишь количеством денежных средств или материальных благ, необходимых для его существования. Как производитель он требует всё большего уровня автономности, ответственности и самореализации, а как потребитель предъявляет всё более высокие требования к качеству потребляемых им ценностей — материальных и духовных. Там, где деятельность человека по производству и его же деятельность по потреблению не могут быть разделены ни в пространстве, ни во времени, возникает тот тип автономного субъекта ИО, которого Э.Тоффлер именует «прозьюмером» (prosumer). Этот универсальный субъект характеризуется тем, что его деятельность мотивирована в значительной степени надутилитарно, а традиционное разделение жизни на рабочее и свободное время практически отсутствует.

Сталкиваясь с растущим контингентом людей, чьи интересы выходят за пределы удовлетворения традиционных материальных потребностей, менеджеры предприятий нередко оказываются в затруднительном положении при определении форм и способов заключения трудового соглашения с такими людьми. Выход может быть найден на путях развития инициативы, самостоятельности и активности отдельных работников, пробуждения в них духа творчества, экспериментаторства и риска, предоставления им возможности участия в процессах принятия решений и

изменения политики компании. Значительные экономические преимущества получают те предприятия, где не разделены собственность и участие, деятельность и контроль за ней; где открыты возможности для проявления ответственности работников и обеспечения их саморазвития. Такие новые структуры Э.Тоффлер называет «адаптивными корпорациями», то есть производственными структурами, которые адаптируют, согласовывают, соподчиняют свои цели с интересами общества и со стремлениями своих работников.

Если рассмотреть тот же процесс в масштабах всего общества (а не отдельного предприятия), можно отметить качественную переориентацию мотиваций и потребностей большей части населения стран, вступивших в информационную эпоху. Повсеместно происходит переход от традиционных материальных ценностей (*material needs*) к «человеческим потребностям» (*human needs*), рассматриваемым во всём их многообразии. Этот переход сопровождается фундаментальным изменением самого характера человеческой активности: на смену труду (*labour*) в его традиционном понимании, восходящем к Карлу Марксу (как деятельности, осуществляемой под влиянием внешней необходимости и потому несвободной) [15], приходит более высокий тип деятельности — креативная или творческая работа (*creative work*), направленная прежде всего на самовыражение и саморазвитие личности [2, с.717]. Это позволяет говорить о «преодолении труда» (*overcoming of labour*), об его превращении в более высокий тип деятельности, не мотивированной утилитарными материальными соображениями.

С этой точки зрения основной исторической задачей массового индустриального производства явилось создание такого уровня благосостояния общества, который позволил «давлению непосредственной материальной нужды сокращаться» [16]. Тем самым были созданы

предпосылки для перехода к обществу, базирующемуся на творческой деятельности, где это давление должно исчезнуть вообще. По сути переход от труда к творчеству представляет собой самое фундаментальное изменение в современном обществе, из которого, как следствие, можно получить все остальные. По мнению В.Л.Иноземцева [2, с.719], творчество — это принципиально новый тип человеческой активности, который не является элементом прежней экономической организации. Творческая активность не создаёт товарно-денежных отношений и не вызывает к жизни рыночных принципов распределения, так как целью творящего субъекта является не материальное благо, а развитие собственной личности. «Творческая активность не может быть подвержена эксплуатации, так как отчуждение материальных или нематериальных продуктов такой деятельности, даже если оно и имеет место, не вступает в противоречие с основной целью творящего индивида» — его самовыражением и самосовершенствованием.

Нужно сказать, что стремление к самовыражению свойственно не только отдельным индивидам, добивающимся реализации своей личности, но и другим «субъектам» информационного общества: группам людей со сходными интересами, странам и даже целым нациям, каждая из которых является «продуктом уникальной истории и культуры» [6, с.44]. Благодаря этому стремлению первые исторические шаги ИО «характеризуются преобладанием идентичности как организующего принципа» [6, с.43]. Под идентичностью здесь понимается процесс постоянного «узнавания себя» в развитии социума, процесс развития самосознания и осознания себя как полноправного субъекта, наделённого неповторимыми свойствами. На практике идентичность каждого субъекта проявляется в его самоутверждении в обществе, причём, как правило, «без широкой соотнесённости с другими социальными

структурами» [там же]. По сути стремление к идентичности — это «болезнь роста», присущая практически всем живым существам, а также объектам информации на начальной стадии их развития. Как и всякая болезнь, она может причинять неприятности как окружающим, так и самому субъекту, стремящемуся к самовыражению, но миновать её нельзя, это необходимый этап в развитии личности или субъекта социума.

Возрастающее значение данного организующего принципа в современном обществе можно охарактеризовать словами Алена Турина, цитируемыми М.Кастельсом [6, с.44]: «в постиндустриальном обществе, где культурные услуги заменили материальные блага в качестве сердцевины производства, именно защита субъекта, в его личности и в его культуре, против логики аппаратов и рынков, заменяет идею классовой борьбы». Ключевой проблемой такого общества становится устранение (или хотя бы смягчение) противоречия между глобализацией и фрагментацией; между необходимостью экономического, научного и технологического сотрудничества и стремлением к обособлению с целью более полного самовыражения (личного или коллективного). В сущности это вопрос о том, «как объединить новые технологии и коллективную память, универсальную науку и общинную культуру» [там же], разум и страсти, сознание и подсознание человека.

Решить эту проблему нелегко, так как во всём мире пока что преобладает противоположная тенденция, а именно увеличение дистанции между «сетью» (т.е. глобальной системой производства, распределения и власти) и «Я» (т.е. субъектом, наделённым разумом, уникальностью и свободой воли). Но решать этот острый, назревший вопрос придётся, так как всё современное общественное устройство по сути является отражением борьбы или взаимодействия этих двух тенденций — стремле-

ния к глобализации и к идентичности. Взаимно дополняя и обуславливая друг друга, эти два процесса делают общество тем, чем оно является на самом деле, — единым живым организмом, где каждая клетка (субъект идентичности) живёт и развивается по своей собственной, индивидуальной программе в тесной взаимосвязи с другими клетками-субъектами.

Стремление к идентичности впервые достаточно ярко проявилось в общественных движениях 1960-х и начала 1970-х годов, в их утверждении свободы личности в противовес государственному, промышленному и финансовым структурам. Эти мощные движения почти одновременно потрясли весь индустриальный мир: начавшись в США и во Франции, они, как пламя пожара, распространились на Германию, Чехословакию, Италию, Испанию, Японию, Бразилию, Мексику, эхом отозвавшись во множестве других стран. В сущности своей это были не политические, а культурные движения, возникшие как критика «общества потребления» и стремившиеся не к захвату власти, а к изменению качества жизни. Они выдвинули идеи, ставшие впоследствии источниками борьбы прогрессивных сил за права человека, свободу и демократию, за всеобщее равенство (независимо от расы, нации, возраста или пола членов общества), а также за защиту окружающей среды, за независимость и самоуправление городских, студенческих и других общин.

В то же время с этих движений «мятежных 60-х» начался процесс фундаментального разделения в обществах всего мира: с одной стороны, активная, информированная, самоопределившаяся элита, конструирующая свои собственные ценности на основе личного опыта; с другой стороны, всё более неуверенные, незащищённые социальные группы, лишённые информации, материальных ресурсов и власти, а главное, лишённые собственной идентичности в

мире глобальных «сетей» (политических, экономических, информационных). Стремление к восстановлению утраченной идентичности как раз и лежит в основе практически всех революционных движений современного периода истории (начиная с 60-х годов прошлого века). Борьба за власть, приобретение материальных благ и т.п., конечно, тоже имеет место; но это — лишь внешние проявления социальной активности, а внутренний, скрытый их смысл состоит в том, что участники социальных движений «ищут утверждения своих исключённых идентичностей как общественно благих и политически значимых» [6, с.44]. Говоря проще, субъекты общественного прогресса ищут своё подлинное место в социуме и встают против своего исключения по причинам кажущейся некомпетентности, несостоятельности, неинформированности и т.д.

В современных условиях все эти «недостатки» легко преодолеваются, как правило, одним «включением» индивида или субъекта в глобальную сеть, где постоянно движутся и перераспределяются мощные потоки информации, денежных и материальных средств. Исключение же субъектов из глобальной сети происходит с одновременным обрывом связей не только между индивидуумами, но и между регионами, сегментами общества и даже целыми странами. «Когда сеть отключает «Я», то «Я» — индивидуальное или коллективное — конструирует свой смысл без глобального соотнесения, — справедливо замечает М.Кастельс. — Процесс обрыва связей становится взаимным после отказа исключённых от односторонней логики структурного господства и социального исключения» [6, с.46]. Это значит, что «исключённые исключают исключających» в своём сознании, и в этом проявляется их активная жизненная позиция, утверждение своего «Я» в мире, лишённом единства, цельности, устойчивости и здравого смысла с точки зрения исключённых (надо

сказать, что позиция «это безумный мир» принадлежит исключительно «исключённым»; для «исключающих» мир вполне разумен).

Таким образом, естественной реакцией на «исключение» является поиск новой системы связей, новой системы ценностей, нового смысла и новой «идентичности», что можно наблюдать, в частности, в движениях национального возрождения, происходящих ныне по всему миру. Можно определить современный национализм как «задачу возрождения национальной общности путём создания, сохранения и усиления культурной идентичности народа, когда она, как чувствуется, исчезает или находится под угрозой» (такое определение дал в 1992 г. исследователь идеи японской уникальности Йошино) [6, с.44]. Мощное развитие национализма в бывшем Советском Союзе в посткоммунистический период можно объяснить «культурной пустотой, созданной семьдесятю годами навязывания исключительно идеологического единства; пустотой, соединённой с возвращением к первичной исторической идентичности как к единственному источнику смыслов после распада исторически хрупкого образования под названием «советский народ»» [6, с.45].

На постсоветском пространстве, образовавшемся после распада СССР, борьба между глобализацией и идентичностью приобретает особую остроту. По словам М.Кастельса, народы бывших советских республик ныне «сведены к своей первичной идентичности задачей индивидуального выживания». Глобальные потоки власти и денег стремятся дезинтегрировать эти вновь возникающие элементы коллективной идентичности (или национальной общности), поглотить их в своих сетях ещё до того, как они окончательно оформились. Поэтому самоутверждение наций бывшего СССР является одновременно борьбой за утверждение новых реалий ИО; борьбой «на переднем крае информационного общества» [6, с.490].

Если проанализировать с этой точки зрения причины «коллапса» социалистической системы, то окажется, что ошибкой социализма (в том виде, как он был построен в СССР) явилась не только его неспособность к инновациям — техническим, научным и социальным, — но и то, что он «присваивает и переопределяет исторически укоренённые идентичности, чтобы растворить их в единственно важном процессе построения власти» [6, с.489]. В конечном счёте это и привело к распаду СССР, несмотря на большой позитивный опыт социальных реформ, накопленный за годы советской власти.

Ещё одной причиной явилась неспособность руководителей советского государства усвоить и воплотить в жизнь принципы ИО. Неправильно понятый и осуществлённый проект коммунистического строительства подавлял способности индивидов к интеллектуальному творчеству, препятствовал постоянному обновлению информации, создавал искусственные барьеры в сознании людей и в общественной жизни. Необходимые для построения ИО свобода слова и коммуникаций, информационные связи между всеми научными, производственными, общественными структурами и отдельными личностями стали несовместимыми с государственной монополией на информацию и с замыканием технологий в рамках производства вооружений. Жёсткая вертикальная командная иерархия, составлявшая ядро советской системы власти, в значительной мере затрудняла переход к гибкой системе организации производства и управления народным хозяйством. Самым грубым образом нарушался «принцип пяти колец», соблюдение которого необходимо для построения правового демократического государства.

«Парадоксально,— пишет М.Кастельс,— что социалистическая система, построенная под знаменем развития производительных сил, не смогла справиться с самой важной технической ре-

волюцией в человеческой истории — информационной революцией» [6, с.488]. Осознание культурного застоя и снижения темпов экономического роста привело последних советских лидеров — от Андропова до Горбачёва — к попыткам реорганизации системы. Стремясь преодолеть инерцию партийно-государственной машины, эти лидеры-реформаторы открыли было доступ к информации и обратились к гражданскому обществу за поддержкой. Но их реформы носили локальный характер и были явно недостаточны, чтобы пробить брешь в десятилетиями создававшемся «железном занавесе» и ввести советское общество в глобальную сеть (что является необходимым условием перехода к ИО). Целый ряд тактических ошибок, допущенных советскими лидерами, их недостаточная компетентность в области внутренней и внешней политики, внутренний раскол в аппарате управления, пассивность широких масс, не поддерживающих реформы своего руководства и не доверяющих ему, — всё это причины, которые привели к краху «советского коммунизма — одного из самых экстраординарных событий в политической истории» [6, с.494]. Так закончился самый революционный эксперимент XX века, практически за мгновение с точки зрения истории.

Тем не менее, несмотря на свою неудачу, «советский эксперимент» наложил неизгладимый отпечаток на всё XX столетие, которое «в целом вращалось вокруг его развития и его последствий для всего мира» [6, с.485]. Несмотря на ужасы сталинизма и последствия разрушительных войн, для левых сил и социальных движений всего мира (а также для многих ведущих специалистов в области социальных наук) советский опыт строительства социализма долгое время воплощал надежду на лучшее будущее, служил источником вдохновения и поддержки.

Что же осталось представителям прогрессивных общественных сил после

того, как все эти идеи, надежды и мечты были разрушены в результате «превращения освобождения в угнетение, проекта бесклассового общества в кастовое государство, перехода от солидарности эксплуатируемых трудящихся к заговору номенклатурных аппаратчиков» [6, с.486]? Ответ на этот самый болезненный вопрос современности может быть таким: остались реалии информационного общества, которое может и должно стать воплощением всех лучших стремлений объединённого человечества.

В сущности построение ИО представляет собой переход к ноосферной цивилизации — великой мечте человечества, предвиденной В.И.Вернадским и Т.де Шарденом [3]. Задолго до появления современных концепций информационного общества эти учёные связали прогресс человечества и его интеграцию с накоплением информации, с увеличением её объёма, скорости обработки и распространения. Как считал Тейяр де Шарден [17], человечество, достигнув состояния ноосферы, впервые реально объединится, сформируется его коллективный разум; множество индивидуальных мышлений, группируясь, будут взаимно обогащаться и усиливаться в акте согласованного мышления. Земля покроется «мирадами капель мысли», которые затем сольются в единую мыслящую оболочку; так возникнет ещё одна целостная капля мысли в безграничном Космосе. Земные народы и цивилизации достигнут такого уровня интеграции, когда дальше можно развиваться только вместе, согласованно, гармонично.

Именно это, по-видимому, и должно стать главной тенденцией развития информационного общества будущего: по мере объединения естественного и искусственного интеллектов и повышения согласованности информационных действий отдельных личностей будет формироваться «качественно новый единый разум цивилизации, намного

превосходящий интеллект даже самой выдающейся личности и способный реализовать «великий переход» к ноосферной цивилизации» [11, с.22]. В современном понимании ноосфера, или сфера коллективного разума, — это «общечеловеческое поле информации» [3, с.91]; ноосфера будет отличаться от социосферы существенным возрастанием информационного содержания (вероятно, на много порядков), причём «степень насыщения социосферы информацией как раз и является одним из главных критериев её превращения в ноосферу» [11, с. 22].

С этой точки зрения информационное общество — лишь подготовительный этап или «первая ступень сферы разума» [11, с.24], став на которую, человечество будет в состоянии подняться ещё выше: перейти от всеобщей информированности (ИО) к знаниям о гармонии (К-общество), а затем и к самой гармонии, реализованной в глобальном масштабе. Не случайно автор учения о ноосфере В.И.Вернадский считал, что сущность этого состояния составляет глобальная гармония в отношениях между людьми, людей с природой и в самой природе [18].

Для того, чтобы достичь такого состояния в обозримое время (например доступное для нынешнего поколения), нужно в сущности немного: пересмотреть своё отношение к жизни, к своей профессии, к природе и к другим людям с позиций разума. Если в XX веке люди пытались изменить мир путём активных воздействий на него (физических и социальных), то в XXI веке настало время интерпретировать мир по-другому, опираясь на силу разума и получая при этом такие же весомые результаты, только позитивно направленные, сгармонизированные. Это и есть «обещание информационной эпохи», о котором пишет М.Кастельс в финале своей замечательной книги [6, с.512—513]. Хотелось бы привести этот текст полностью, так как он суммирует цели и

задачи, стоящие сейчас перед всем человечеством и каждым отдельным человеком:

«Мечта Просвещения — что разум и наука решат проблемы человечества — ныне в пределах досягаемости. Однако существует экстраординарный разрыв между нашей технологической переработанностью и нашей социальной недоразвитостью. Наша экономика, общество и культура построены на интересах, ценностях, институтах и системах представлений, которые ограничивают коллективную креативность, конфискуют плоды информационных технологий и отклоняют нашу энергию в русло самоуничтожающей конфронтации. Такое положение вещей не должно существовать.

Не существует извечного зла в природе человека. Не существует ничего такого, что не может быть изменено сознательным целенаправленным социальным действием, снабженным ин-

формацией и поддержанным легитимностью.

Если люди информированы, активны и общаются в масштабах всего мира; если бизнес принимает на себя свою социальную ответственность; если средства массовой информации становятся вестниками, а не вестью; если политические деятели противодействуют цинизму и восстанавливают веру в демократию; если культура реконструируется из опыта; если человек ощущает свою солидарность со всем сущим на Земле; если мы утверждаем межпоколенческую связь, живя в гармонии с природой; если мы отправляемся в исследование нашего внутреннего «Я», установив мир между собой — если всё это стало возможным благодаря нашим информированным сознательным коллективным решениям, пока ещё есть для этого время, — может быть, тогда мы сможем, наконец, жить и давать жить другим, любить и быть любимыми».

1. *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting.— N.Y., 1973.
2. *Иноземцев В.Л.* Постэкономическая революция: теоретическая конструкция или историческая реальность? // *Вестн. РАН.*— 1997.— Т.67, № 8.— С.711—719.
3. *Шевчук О.Б.* Ноосферна концепція і становлення інформаційного суспільства // *Наука та наукознавство.*— 2004.— № 1.— С.84—93.
4. *Morris Suzuki T.* Beyond Computers: Information, Automation and Democracy in Japan.— L., 1988.
5. *Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации.— М.: Изд. ВЛАДОС, 1994.— 336 с.
6. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / Пер. с англ. под ред. проф. О.И.Шкаратана.— М.: ГУ ВШЭ, 2000.— 610 с.
7. *Toffler A., Toffler H.* Creating a New Civilization. The Politics of the Third Wave.— Atlanta, 1995.
8. *Иноземцев В.Л.* К теории постэкономической общественной формации.— М., 1995.— 314 с.
9. *Зеуровский М.* Путь к обществу, основанному на знаниях // *Зеркало недели.*— 2006. — № 2 (<http://www.zerkalo-nedeli.com/ie/show/581/52340>).
10. *Раціональні фінансування науки як передумова розбудови знаннєвого суспільства в Україні / Б.А.Маліцький, О.С.Попович, В.П.Соловйов та ін.*— К., 2004.— 32 с.
11. *Урсул А.Д., Урсул Т.А.* На пути к устойчивому развитию цивилизации: информационные факторы // *Информационное общество.*— 1997.— № 2—3.— С.20—27.
12. *Toffler A.* The Third Wave.— New York, 1980.— P.276.
13. *Drucker P.F.* The New Realities.— Oxford, 1996.— P.22—23.
14. *Коллин К.К.* Феномен информации и научная парадигма // *Наука та наукознавство.*— 1998.— № 4.— С. 64—76.
15. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. — 2-е изд.— Т.42.— С.242.
16. *Heilbroner R.L.* Business Civilization in Decline.— New York; London, 1976.— P.51.
17. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека.— М.: Наука, 1987.
18. *Філософський енциклопедичний словник / Під ред. В.І.Шинкарука.*— К.: Абрис, 2002.— С.433.